

A portrait of a woman with dark, wavy hair and blue eyes, resting her chin on her hand. She is wearing a light-colored, sheer, long-sleeved top and a pearl necklace. The background is a soft, out-of-focus grey.

ИРИНА БЕЗРУКОВА ЖИТЬ ДАЛЬШЕ

АВТОБИОГРАФИЯ

“
Я хочу вернуть любовь
и радость в свою жизнь
”

Безрукова Ирина. Книги известной актрисы театра и кино

Ирина Безрукова

Жить дальше. Автобиография

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Безрукова И. В.

Жить дальше. Автобиография / И. В. Безрукова — «Эксмо»,
2020 — (Безрукова Ирина. Книги известной актрисы театра и
кино)

ISBN 978-5-04-117146-9

Актриса Ирина Безрукова в этой книге впервые подробно рассказывает о насыщенной событиями жизни: о работе в театре и кино, в том числе и о съемках в фильме «Коля», ставшем оscarоносным, и о том, что помешало ей побывать на церемонии вручения премии «Оскар» и получить из рук киноакадемиков свой приз. О встречах с великими – Олегом Табаковым, Натальей Гундаревой, Вадимом Абдрашитовым, Михаилом Задорновым, Любовью Полищук, Иваном Дыховичным. О том, как произошло ее знакомство с актером Сергеем Безруковым и как повлияло на ее дальнейшую судьбу. Узнаем и о самых трагических событиях жизни Ирины Безруковой – о смерти мамы, которую она потеряла будучи еще ребенком и о гибели ее единственного сына Андрея. Ирина поделится с нами мудростью, расскажет, как можно, пройдя сквозь эти беды и невзгоды, не сломаться, а найти в себе силы жить дальше, видеть красоту и гармонию этого мира. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-117146-9

© Безрукова И. В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1. Детство	7
Глава 2. Первый класс. Кызыл	15
Глава 3. Развод родителей	19
Глава 4. Мама заболела	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирина Владимировна Безрукова

Жить дальше. Автобиография

“Я люблю Иру Безрукову, потому что она очень светлый, добрый и красивый человек – не только внешне. Когда любишь ее, кажется: вот у этой женщины уж точно все в жизни было легко и гладко. Невозможно представить, что ее путь полон потерь, боли, падений... и все же радости и любви.

Эта книга нужна всем, кто готов опустить руки, унывает и сомневается. Всем, кто ищет выхода. Ира – маячок, который зовет и ведет наверх – к свету и свободе”.

Тутта Ларсен, телерадиоведущая

© Безрукова И. В., 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. Детство

Вспоминая свою жизнь, я листаю память, словно альбом с фотографиями, вглядываясь в родные лица, вспоминая голоса, улыбки. И все они, даже давно уже ушедшие, оказываются вновь здесь, рядом со мной.

Вот моя бабушка. Она украинка, родилась в 1912 году в селе Новая Водолага, близ Харькова. Это село, основанное приблизительно в 1675 году полковником Григорием Донцом, было большое, зажиточное и очень живописное. Бабушкина белая хата-мазанка находилась в самом центре села. Просторная, ладная, крытая камышом (многие из вас такие хаты могли видеть в фильмах «Вечера на хуторе близ Диканьки» или «Свадьба в Малиновке»), практически ничем не отличалась от соседских. Бабушку звали Анна Дмитриевна, в девичестве Черногорцева. Один из моих прадедов был из оседлых цыган, и, вероятно, когда он родился, табор проезжал какие-то холмы, отсюда и фамилия. Бабушка была кареглазой, со смуглой кожей. Она рассказывала нам с сестрой, что папина фамилия ей не особо нравилась, сверстники подразывали ее, в шутку называя «черная». И она взяла фамилию своей мамы Арины, стала Лихобаба. По-украински она произносится приблизительно так – ЛыхАбаба и переводится как лихая женщина, хотя слово «лихо» иногда трактуют как слово «горе». ГОРЕбаба – тоже занятно. Для русского уха фамилия ее звучала забавно, но для украинцев это обычное дело, соседку нашу, например, звали Зоя Рябокобыла. Лихобабой бабушка пробыла недолго, вышла замуж за моего деда, очень красивого мужчину по имени Иван Ступак и стала Ступаковой. Бабушка сетовала на то, что паспортистка записала фамилию неверно, фамилия Ступак не склоняется, но оплошность не сразу была ею замечена, и менять документы она не стала. Довольно скоро у них родилась моя мама – это произошло 3 мая 1938 года. Девочку назвали Людой. Три года спустя появился на свет сын Борис. Это было в 1941 году, но точная дата рождения ребенка неизвестна. Будучи еще совсем младенцем, месяцев шести-девяти от роду, мальчик заболел воспалением легких, и несмотря на то, что бабушка перепробовала все способы, которыми на тот момент располагала медицина, спасти его не удалось, сторел, как тогда говорили, за три дня. Бабушка считала, что ребенка «сглазили» и что было бы лучше, если бы она пошла к бабке, а не к врачам. По бабушкиным словам, Боренька родился очень красивым и ладным, мама же в детстве не блистала красотой, была слишком худенькой.

Я не знаю, успел ли дед увидеть своего новорожденного сына – в самом начале войны он ушел на фронт. В нашей хате немцы основали свой штаб, а бабушке и маме пришлось переехать в землянку, которую они вырыли во дворе. Было голодно. Но немцы, как рассказывала бабушка, были «добрые» – иногда угощали маленькую Люсю шоколадом, а ей позволяли забирать из мусора картофельные очистки – бабушка их мыла, отваривала или делала драники. При этом в селе за воровство фашисты расстреливали на месте, безо всякого суда и следствия.

Но жизнь продолжалась. Вот передо мной мамино фото. Она здесь еще совсем девочка, маленькая и невероятно худая. Смотрит в камеру огромными глазами, скулы выпирают, ручки-ножки тоненькие, как веточки. Видно, что этот ребенок никогда не ел досыта. Что неудивительно, времена были тяжелые, и мало было семей, у которых холодильники ломились бы от изобилия еды. Да и не было их тогда, холодильников. На маме симпатичное платьице, но оно ей явно велико. Как объясняла мне потом бабушка, в этом платье (специальном платье для парадных фото) тем летом фотографировались все девочки, потому что другой, более приличной, одежды ни у кого не было.

Бабушка билась, как могла, стараясь прокормить дочь. Что-то удавалось вырастить на собственном огороде, но денег все равно катастрофически не хватало. Впрочем, по тем временам это мало кого удивляло.

Когда она рассказывала мне о своей юности, я, воспитанная советской школой, все никак не могла взять в толк, почему же им тогда так тяжело жилось. Это были 30-е годы, мирные и, как рассказывалось в учебниках истории, вполне зажиточные. Мы все знали – из фильмов и песен, – как хорошо было тогда в стране Советской жить. А бабушка почему-то говорила, что они голодали, причем настолько, что от голода погибали целые семьи. Уже потом, повзрослев, я поняла, через что им пришлось пройти в то время.

Закончилась война, но дедушка домой не вернулся... Бабушка продолжала выбиваться из сил, пытаясь свести концы с концами. После войны и без того выбивающиеся из сил сельские жители были обременены новыми налогами. Такими, например, как налоги на деревья. В глубине двора бабушкиного дома росли роскошные пирамидальные родовые тополя, которые помнили еще дедов и прадедов. И когда их пилили – плакали. А когда бабушка решила построить возле хаты еще небольшой флигелек, спланировала все так, чтобы на улицу выходило только одно окно, а остальные три смотрели во двор. Считалось, что, если на улицу выходит много окон – значит, внутри много комнат, а, стало быть, семья зажиточная, можно налог и повысить.

Чтобы хоть как-то свести концы с концами, бабушка ездила из своего села в город менять одежду на еду. Одежду шила сама, была счастлива, если удавалось раздобыть отрез ткани, бесконечно перелицовывала старые вещи, штопала, ставила заплатки. Потом складывала все это в простыню, завязывала большим узлом и с этим узлом на плече отправлялась на станцию. Запрыгивала на подножку проходящего мимо станции поезда и ехала до города в полуоткрытом тамбуре. Все это было небезопасно, зато бесплатно. Приехав в город, отправлялась на стихийный рынок, так называемую толкучку, и, пока ей не удавалось раздобыть хоть какую-то еду, домой не уезжала. Однажды в поезде к ней подседа какая-то женщина и принялась ее внимательно разглядывать. А потом говорит: «Хотите, я вам погадаю?» Бабушка тысячу раз потом пожалела, что согласилась. Но тогда она была молода и любопытна. «Мне вас очень жалко, – сказала женщина, взяв ее руку, – у вас уже один ребенок умер. Смотрите, как бы не умер второй!» Бабушка выдернула свою руку из ее ладоней и крикнула, чтобы та замолчала.

А женщина оказалась права. Я не знаю, как это получается – сами ли мы формируем предсказанные нам события, постоянно возвращаясь мыслями к страшным картинам, нарисованным нам когда-то цыганкой, или действительно на свете существуют люди, способные за минуту подключиться к высшим сферам и просмотреть всю нашу жизнь, как фильм на ускоренной перемотке. Но так или иначе это иногда работает. И лучше не играть в эти игры. Бабушка, кстати, и сама умела карты раскладывать и видеть там что-то, но никогда этим не злоупотребляла. И осуждала людей, которые балуются черной магией, привораживают, делают магические заговоры на смерть и все такое прочее.

Впрочем, до тех ужасных дней, когда предсказания страшной попутчицы стали сбываться, было еще очень далеко.

Я смотрю на свадебную фотографию своих родителей. Это очень красивая пара. Встретились они в городе Ростове-на-Дону. Моего папу звали Владимир Трофимович, его маму, мою вторую бабушку – Анастасия Григорьевна, а его отца – Трофим Евдокимович. Папа мой родом из Горловки (позже переехал жить в небольшой город Артемовск), он был профессиональным музыкантом, играл на гобое в лучших симфонических оркестрах страны. В то время, помимо столичных, славились горьковский (ныне Нижний Новгород) и ростовский (Ростов-на-Дону) оркестры, они были большие и по советским временам просто роскошные. Папе предложили работу в этих двух оркестрах на выбор, и он предпочел Ростов-на-Дону, поближе к родному городу. Мама в то время училась там в мединституте. Любовь, как водится, нагрянула нечаянно.

А спустя некоторое время на свет появилась девочка по имени Ира Бахтура. Именно так меня звали в детстве. Я родилась 11 апреля 1965 года, в центральной городской больнице Ростова-на-Дону. Ростовчане называют ее по аббревиатуре – ЦГБ (с характерным фрикативным гэ), и находится она на одной из центральных площадей города. Когда пришло время нас с мамой выписывать из роддома, папа пришел за нами и пешком отнес меня в общежитие, располагавшееся на улице с красивым названием Турмалиновская, где у родителей была тогда комната. Это было общежитие творческих работников, и населяли его сплошь очень интересные неординарные личности и члены их семей. Наша комната была просто роскошной по тем временам, целых 25 метров. Там были встроенные шкафы, антресоль, словом, все, что было нужно для комфортной жизни.

А вот на этой фотографии – я, собственной персоной. Мне тут год или около того. Я карапуз, одетый в кофточку и ползунки, про мои пухлые щеки в народе говорят: «Из-за спины видать». Боже мой, неужели это действительно я?

Мама родила меня, не успев окончить медицинский институт, и для того, чтобы получить диплом и стать врачом, ей не хватило буквально года. В результате мама стала фельдшером, работала операционной сестрой, а в свободное время изготавливала препараты как провизор (у нее был диплом фармацевта) и делала на дому уколы всем соседям. Я помню шприцы, которые постоянно кипятились на нашей плите в жестяной коробочке, помню, как мама достает их специальным пинцетом и бросает на поддон, вынимает ампулы, надевает идеальный белый накрахмаленный халат (других мама не признавала, и я до сих пор помню свежий запах этого халата) и идет спасать соседей. А я постоянно играла в доктора и мечтала, когда вырасту, тоже стать врачом, как мама.

Вот еще одна фотография. На ней я и моя младшая сестра Оля. Обе в роскошных по тем временам платьях. Мама специально нарядила нас красиво, для фотографии. Эти платья – немецкие. В нашей семье в то время было много немецких вещей. Так получилось, что моя младшая сестра (совершенно неожиданный факт ее биографии!) родилась в городе Потсдаме.

Как родителей занесло в те времена в Германию? Однажды папе предложили поработать в ГДР. В то время Берлин был разделен на две части, нашу и американскую. Посреди города была возведена стена, и по одну ее сторону стояли американские войска, по другую – наши. Папу пригласили работать в оркестр нашей воинской части, в музыкальный батальон. И мы всей семьей отправились туда. Там, в городе Потсдаме, родилась моя младшая сестра Оля.

У нас с ней очень маленькая разница в возрасте, год и четыре месяца. То есть, когда мама забеременела, я была совсем еще крошкой. Женщины в такой ситуации, как все мы знаем, разные решения принимают. И сейчас я бесконечно благодарна маме, что она решила все-таки родить сестренку. Хотя даже не представляю, чего ей это стоило. Мама, приехав в Германию, стала подрабатывать уборщицей. Больше никакой работы ей предложить не могли, а деньги были очень нужны. Она брала как можно больше нагрузки, мыла подъезды и лестницы, несмотря на то что была уже беременна Олей и растила годовалую меня. Я рассматриваю ее фото того периода и ужасаюсь – она выглядит крайне болезненно, под глазами круги, которые видны даже на черно-белой фотографии не лучшего качества. Но мама всегда была бойцом и никогда не сдавалась.

Как гласит семейная легенда, первое, что я сделала, увидев новорожденную сестру, которую принесли домой и положили на кровать, – стянула ее за ногу на пол. Видимо, я решила, что это кукла, и планировала с ней как следует поиграть. Впрочем, происшествие закончилось хорошо – судя по тому, что сейчас с Олиной головой все в порядке, до пола она не долетела, успели перехватить.

Примерно к этому же моменту относятся и мои собственные первые воспоминания. Я помню очень высокую кровать, железную, с массивными шарами по углам спинок. Я спала на ней, а потом проснулась и поняла, что мне срочно надо на горшок, а спуститься с кровати

самостоятельно ну никак не могу, уж слишком она высокая. И я, как Алиса в Стране чудес, сижу на этой верхотуре, свесив ножки, и не знаю, что мне делать. Когда я рассказала родителям, что помню этот момент, они были страшно удивлены, потому что считали, что ребенок в таком возрасте (а было мне никак не больше полутора лет) еще толком ничего не осознает. А еще я ясно помню, что стою на лестничной площадке около двери в квартиру, где мы жили, и наблюдаю, как грузчики пытаются затащить к нам в дом пианино. Родители очень хотели, чтобы мы начали учиться музыке как можно раньше, и накопили денег на хороший инструмент, пусть и подержанный, но немецкого качества. И вот я стою и смотрю, как четверо солдатиков несут это пианино, мучаются, пытаюсь как-то протаскать его по лестничному пролету и внести в квартиру, а дверной проем очень узкий и у них никак не получается это сделать, не зацепив дверной косяк и не поцарапав инструмент. Этим воспоминанием я тоже изрядно удивила родителей, мне тогда не было и двух. А пианино это я хорошо помню – черного дерева, старинное, сделанное на совесть, – оно потом с нами уехало в Ростов, и папа меня учил на нем играть. Помню, что я сижу у него на коленях рядом с инструментом, а он одним пальцем нажимает на клавиши и говорит: «Подрастешь – будем учиться».

Папа мой был мужчина темпераментный. Однажды он поссорился со своим коллегой-барабанщиком и, не совладав с эмоциями, прямо во время концерта подошел к нему и проткнул гвоздем его огромный барабан. Такого вопиющего нарушения трудовой дисциплины папе простить не смогли, его депортировали из ГДР. Мы вернулись в Ростов.

Кроме пианино с нами в Ростов уехала масса роскошных, по тем временам, вещей. Мы все прекрасно помним, что в советских магазинах в ту пору не было ничего, кроме хлеба, консервов, плавленых сырков и картошки, и поэтому родители в Берлине жили весь год на хлебе и воде и постарались на сэкономленные деньги закупить впрок всего, что только можно было увезти с собой из Германии – и посуду, и ткани, и одежду, и все по максимуму.

Разглядывая фотографии того времени, я вижу платица, в которые нас наряжали (разумеется, не каждый день, это была непозволительная роскошь), и блузки, которые были на маме (я потом их носила, будучи взрослой, качество было отменное, вещи не портились годами), занавески и скатерти, все добротное, красивое, не советское. А консервный нож, который приехал с нами из Берлина, невероятно новаторский по тем временам – деревянная красная штукovina с круглым ножом, который надо было крутить с помощью специальной ручки, и он резал жестяную банку, как бумагу, – переехал со мной в Москву и служил мне десятилетиями. Качество тех вещей было просто потрясающим.

Вернувшись на родину, мы снова оказались в общежитии. Общежитие было устроено так: общая кухня, общие умывальники, кладовка, где у каждой семьи была своя полка, уставленная соленьями, вареньями и всевозможными запасами, без которых тогда было не прожить, и общий коридор, по которому носилась целая армия разновозрастных детей. Недостатка в товарищах по играм у меня там не было. В торце коридора, под окном, кто-то постелил ковер, жильцы пожертвовали в общий детский фонд игрушки, у кого какие были, и там образовался своего рода детский сад. Мы всю познавали жизнь. Помню, один мальчик сказал, что у него в комнате живет морская свинка. Естественно, мы тут же захотели ее увидеть и толпой пошли к нему в гости. Разочаровались, увидев нечто, похожее на крысу. «Какая же это свинка, ерунда какая-то», – вынесли мы вердикт. Хозяину морской свинки надо было как-то реабилитироваться, но он не мог придумать, как. И тут вдруг кто-то из детей нечаянно смахнул со стола ртутный градусник. Ртуть разбежалась по полу маленькими серебряными шариками. И хозяин свинки, поняв, что это его шанс, взял один из шариков и положил бедному животному прямо в ухо. Мы его тут же зауважали. Но тут в комнату вошли взрослые и стали кричать на нас. Мы не поняли, что сделали не так, поняли только, что очень плохо поступили, разбив градусник. А спустя несколько дней хозяин свинки пришел явно в расстроенных чувствах и, судя по всему, предварительно отлупленный ремнем по попе – глаза красные, нос распух – и сообщил,

что свинка умерла. «Не надо было мне все-таки ей ртуть в ухо засовывать. Хотя до сих пор не понимаю, почему это было неправильно? Вот же шарик, вот ухо, отверстие такое смешное, и шарик так забавно вкатывался туда и выкатывался наружу», – недоумевал он. Мы тоже не могли осознать, что пошло не так. Вроде бы все логично, но свинка умерла, а парень получил ремнем по попе. Именно в этот период я начала подозревать, что взрослая жизнь не так проста и что есть на свете какие-то странные вещи, которые мой детский мозг не в состоянии осознать. Ртуть, например, – красивая, но опасная. Или свинка – была и нету. В общем, тут было над чем подумать.

Лучшим другом и товарищем по играм была, несомненно, моя младшая сестра. Нас было двое, а это, как вы понимаете, целая банда. К тому же мы родились на юге, а девочки-южанки – это определенный код. Мозг работает очень быстро и не всегда в нужном направлении, тело следует за мозгом, не всегда понимая, в правильную ли сторону он ведет. Мы с Олей, как и положено сестрам, частенько спорили, а когда не хватало аргументов – устраивали возню. Поначалу в девчачьих смешных потасовках побеждала я, поскольку была старше. Мама рассказывала, как однажды мы с сестрой ехали в одной коляске куда-то по маминым делам. Коляска у нас была роскошная, с очень длинной ручкой и на низких колесиках, которые были приделаны непосредственно к люльке. Это была, наверное, одна из первых колясок в нашем городе, и мы на ней шикарно катались. Сестра была совсем маленькая, я – немногим больше и ходить сама еще толком не могла, поэтому мама сажала нас в коляску вдвоем. Нам было выдано по бутылке с жидкой манной кашей. Я моментально высосала свою еду и, едва мама отвернулась, ни минуты не сомневаясь,хватила из рта у сестры ее бутылку и продолжила завтракать (потом я еще долгие годы в шутку извинялась перед сестрой, вспоминая этот эпизод, и подкладывала ей за столом лучшие куски, чтобы компенсировать ее младенческое недоедание).

Но в какой-то момент стало очевидно, что мне совсем не выгодно выяснять отношения с сестрой с помощью грубой физической силы. Дело в том, что меня мама носила в полуголодные студенческие годы, и я получилась несколько более хлипкой, чем Оля. Мои домашние даже стали переживать за мою удобу. Вообще, в те времена еда была «пунктиком» у большинства взрослых. Люди, которые пережили голод, всю жизнь потом считали еду высшим благом, кормили всех кругом чуть ли не насильно. Когда детей отправляли в пионерлагерь, обязательно взвешивали в первый и в последний день пребывания и отмечали наш прирост и привес, как будто мы не дети, а какие-то поросята. Мне было довольно сложно продемонстрировать привес. И больше всех за меня переживала бабушка. Однажды, устав от вечной борьбы со мной за столом, она решила, что я ничего не ем, потому что «больнэнька», и повезла меня к бабке. Тогда в каждом районе водились свои знахари и травники, которые лечили людей одними им ведомыми способами, но их никто так не называл. Говорили просто: «Бабка», «Поедем к бабке». Даже деревня, в которой жила эта самая бабушка, к которой мы отправились, называлась Бабка. Я помню ту деревню, и бабуку, и котов, не меньше сотни, которые жили у нее в доме. Что она со мной делала, не помню, визит в ту деревню не особо помог, аппетит у меня так и не проснулся, но, чтобы не обижать бабушку, я с тех пор старалась есть как можно больше.

Это не особо помогало, я оставалась худой, а Оля очень скоро перегнала меня по всем физическим параметрам – и в росте, и в весе, и в выносливости. Пришлось мне быстренько осваивать искусство дипломатии и сводить драки на нет в самом зародыше. Но все равно нет-нет да и приходилось нас разнимать и ставить по разным углам – в воспитательных целях. Впрочем, дрались мы не так часто, гораздо чаще на пару придумывали всякие истории. Помню, однажды я заболела ветрянкой. Любой взрослый знает, что ветрянка – очень заразная болезнь. Стоит появиться в детском коллективе хотя бы одному заболевшему ребенку – и зараза мгновенно косит всех вокруг, какие бы меры предосторожности ни предпринимались. Спасает только полный и безоговорочный карантин. Моя мама-медик тут же объяснила мне, что отныне сестра ко мне подходить не должна, потому что я заразная. Но я мало что поняла из этого объ-

яснения. Подумаешь! Я и раньше болела простудами всякими, и тоже была заразная, но таких жестких ограничений не было. Впрочем, мамин запрет возымел действие. Мы мужественно терпели карантин, находясь в разных углах комнаты. Несколько часов терпели. Я страдала морально (нельзя играть с сестрой) и физически (тело ужасно чесалось). Чтобы облегчить мои страдания, мама намазала все волдыри зеленкой, но это мало помогло, чесаться я не перестала, зато была вся в зеленый горошек.

На исходе второго часа мучений сестре, которая ходила все это время вокруг меня, как кот ученый, постепенно уменьшая радиус, пришла в голову идея, как можно облегчить мои страдания. Она стала бросать мне в кровать мои любимые игрушки. Все меры предосторожности были соблюдены, игрушки кидались с большого расстояния, чтобы не заразиться. Я не нашла ничего лучшего, как начать метать ей их в ответ. Родители вошли в комнату почти вовремя, застали самое начало этого волейбола, но этих нескольких минут хватило для того, чтобы на следующий день сестра слегла, зараженная игрушками, побывавшими в моей кровати.

Нашим лечением занималась, в основном, мама. Она прекрасно знала, когда и чем нас лечить, и старалась максимально избегать таблеток и прочих медикаментов. Намазав меня зеленкой и увидев, что она не работает, мама решила попробовать альтернативный способ. Однажды, бредя ночью в туалет, я застала маму на кухне за совершением какого-то магического ритуала. Мама сидела за столом, на котором пылал яркий огонь. Я подошла ближе и обнаружила, что она жжет газету – скомкала ее, положила на тарелку, подожгла и наблюдает за ярким пламенем, которое разгорается прямо на кухонном столе. Пляска теней на стене придавала картине еще большую таинственность. Я не знала, как расценить мамин поступок. Оказалось, что она где-то услышала: если сжечь большое количество газет, то образуется некое вещество, которым надо намазать волдырь и он не будет чесаться. Действительно, после того как газета сгорела, на тарелке осталась коричневая субстанция, похожая на масло. Мама взяла спичку и намазала субстанцию на волдырь. Он тут же перестал чесаться и быстро зажил. Уж не знаю, в чем там было дело и что это было в итоге за вещество (может быть, в состав печатной краски входил цинк), а только оно сработало.

У мамы в запасе было много народных средств, которыми она нас лечила, и самое любимое – чай с малиной или шиповником. Она считала, что при простуде первое дело – полежать под одеялом и пропотеть. Иногда, когда мамы не было рядом, нас лечила бабушка. У нее в арсенале было одно-единственное средство от всех болезней – самогон. Бабушка, человек деревенский, свято верила в его чудодейственные свойства. Самогон в деревне был у любой порядочной хозяйки, им лечились, им же расплачивались за услуги (перекрыть крышу или погрузить мебель), он был на столе в горе и в радости. Гнали самогон все. У бабушки не было самогонного аппарата, это было опасно (в то время обладатели этих приборов, будучи уличенными, запросто могли отправиться в тюрьму). Но гнать она умела, у нее была масса лайфхаков на этот счет, и целая схема перегонки, состоящая из каких-то тазов, бутылок и прочего. Бабушка чрезвычайно гордилась своим продуктом. Однажды позвала меня и говорит: «Дывысь» (по-украински «Смотри»). Наливает в блюдце первач – первый продукт перегонки, высокоградусную субстанцию крепостью порядка 80 градусов – и поджигает. Блюдце начинает гореть красивым синим пламенем. Бабушкину гордость можно было понять – значение самогона в жизни советского человека трудно было переоценить, это была самая настоящая валюта.

Так вот, нас с сестрой бабушка, нисколько не сомневаясь, тоже лечила все тем же волшебным продуктом. Помню, как-то я нагулялась с друзьями под дождем, вернулась домой и тут же заболела. Бабушка, недолго думая, разогрела самогонку на водяной бане и, черпая ее прямо пригоршней из кастрюли, растерла мне все тело, включая лицо. Воняло совершенно мерзко, я с трудом перенесла процедуру, но температуру как рукой сняло, и я быстро пошла на поправку. Ей, правда, этого было мало, и она меня принялась уговаривать принять для закреп-

ления результата рюмочку вовнутрь (деревенские люди и в этом не видели ничего плохого). Но тут уж я забастовала и наотрез отказалась пить этот ужас.

Нашим с Олей воспитанием и образованием занимались в городе в основном мама, а в деревне летом – бабушка. Папа одно время пытался принимать в нашей судьбе посильное участие. Обычно педагогическое рвение настигало его ближе к вечеру, когда все дети, набегавшись по коридору или по улице, начинали успокаиваться и ложиться спать. У папы была подработка – он переписывал партитуры для оркестра. Сканеров и принтеров раньше не было, и ноты переписывались вручную. Папа брал работу домой и вечерами сидел и переписывал перьевой ручкой ноты с одного нотного листа на другой. Однажды он взял чистые нотные листы и склеил из них тетрадку, приделал к ней обложечку красивую и объявил мне, что отныне мы с ним приступаем к изучению нотной грамоты. Мне тогда было только четыре года, и, честно говоря, я не особо мечтала об уроках какой-либо грамоты, но, как говорится в таких случаях, «выбор есть, и он один». Папа сказал – значит, так оно и будет. К тому времени, как папа возвращался с работы домой и приступал к урокам, я уже обычно очень хотела спать и мало что соображала. Он показывал мне какие-то крючки и спрашивал: «Ирочка, это какая нотка? А это какой ключ, басовый или скрипичный?» И Ирочка, борясь со сном, пыталась отгадать, чтобы не огорчать папу. Мама пыталась за меня заступиться, говорила: «Господи, ну ей же только четыре года, она спать хочет, оставь ее в покое». Со временем я, конечно, выучила весь нотный стан, все основные ключи, все диезы и бемоли. И даже научилась их рисовать в этой нотной тетрадке. Папины усилия не пропали втуне.

Игре на пианино он тоже пытался меня учить. Но мне эта наука никак не давалась, потому что у меня была очень маленькая узкая ладошка. Папа просил меня взять октаву. Большим пальцем нажать на одно «до», а мизинцем – на следующее. Я старалась как могла, но сделать это, не отрывая пальцев от клавиш, не получалось никак. «Еще тяни, еще», – требовал папа. И, однажды, отчаявшись добиться от меня желаемого, уверенно произнес: «Ничего, вот сделаем тебе операцию, между пальчиками надрежем – и рука станет шире, тогда сможешь дотянуться». Я не знаю, может, он пошутил тогда. Скорее всего, так и было. Но мой детский ум воспринял эту фразу всерьез. Я решила, что сейчас меня отведут к врачу, врач возьмет скальпель и разрежет мне руку. И всю эту экзекуцию надо мной проведут исключительно для того, чтобы я смогла играть на пианино. Разумеется, после этой папиной шутки я старалась обходить инструмент по максимально широкой дуге.

Наша дошкольная жизнь мало отличалась от жизни наших сверстников и соотечественников. Родители были вечно заняты на своих работах, мы весь год пропадали в детском садике, а на лето нас отправляли к бабушке. Оле было полгода, когда родители впервые привезли ее в бабушкин дом и попросили за ней присмотреть. Чтобы растить нас с сестренкой, ей пришлось уйти с работы (бабушка была акушеркой). Мы очень любили к ней ездить, даже несмотря на то, что в то время детям в деревне прохладиться не приходилось. Дети пололи, вскапывали грядки, поливали их, а поскольку водопровода не было, таскали ведра из колодца. Правда, бабушка нас частенько жалела: ведро с водой мы поднимали с трудом, сил копать плотную слежавшуюся землю лопатой у нас тоже не было. В результате почти все огородные работы были на ней. Помочь бабушке с готовкой еды мы тоже не могли, потому что готовила она на специальной деревенской печи, на углях. Еда была самая простая – супы и каши, но для того, чтобы управиться с печью, нужна была определенная сноровка. Сначала надо было наколоть топором мелкие щепки (бабушка с топором виртуозно управлялась), потом разжечь этими щепками угли, кастрюли ставились на чугунную столешницу, которой была накрыта печь, а по центру столешницы были расположены железные круги разного диаметра, вложенные один в другой. И если надо было сделать слабый огонь, бабушка кочергой вытаскивала из этой столешницы чугунный кружок самого маленького диаметра, а если надо было огонь усилить, снимала второй круг, побольше, или третий – самый большой, тогда вода в кастрюле бурлила ключом. Вся

эта наука была недоступна для маленьких девочек. Думаю, что и не всякий взрослый бы с ней управился. Когда печь разводить было не с руки, бабушка готовила на керосинке, с которой я уже худо-бедно научилась управляться. Однажды мы задумали устроить бабушке сюрприз – накормить ее. Вот, думаем, придет она как-нибудь домой голодная, а у нас уже каша готова. Или там макароны (уж не помню, какое меню у нас планировалось). В общем, однажды отправилась бабушка с утра пораньше на рынок, мы закрыли за ней дверь, раскопегарили керосинку, поставили на нее кастрюлю с водой, и в этот момент бабушка вернулась. Она увидела в окно, что в доме горит огонь, и жутко испугалась. Стала стучать, чтобы мы открыли ей дверь, и что-то кричать. Мы, увидев ее страшные глаза, поняли, что сейчас нас будут наказывать. Сестра тут же убежала в комнату, а я пыталась выключить керосинку, но от ужаса забыла, как это делается. В отчаянии я схватила веник и начала им махать над керосинкой в надежде погасить пламя. Он, естественно, загорелся. И чем больше я им махала, тем ярче он разгорался. Бабушка в полнейшем отчаянии высадила дверь плечом, выбила веник у меня из рук, схватила мокрую тряпку и накрыла ею горящий веник. А потом села на пол и заплакала. А мы смотрели на нее и не понимали, чего она плачет-то? Мы ж хотели сюрприз ей сделать, обрадовать. Что пошло не так? Почему у нас не получилось?

Когда я стала постарше, бабушка научила меня доить козу. Козы у нас в доме жили всегда и все время менялись – когда мы приезжали к бабушке в начале летних каникул, она покупала очередную Зорьку или Машку. А через три месяца, когда приходило время возвращаться в город, бабушка ее продавала. Получалось такое безотходное производство, только в течение лета мы еще могли пить козье молоко, а то, что не выпивали, продавалось соседям или менялось на что-нибудь съестное. Козы были хорошие, мне они нравились, самой любимой была беленькая козочка по кличке Зирочка («звездочка» по-украински). Зирочка очень любила хлеб, который бабушка сушила для нее. За эти сухарики она готова была на задних лапах танцевать, что угодно делать, лишь бы ей дали кусочек. Я, все детство мечтавшая о собаке, за неимением таковой принялась дрессировать Зирочку. Стала водить ее всюду за собой, она беспрекословно за мной следовала и уже даже начала выполнять кое-какие команды. Больше всего мы с ней любили ходить купаться. Я брала с собой покрывало, чтобы загорать на нем, какую-нибудь толстую книжку – Виктора Гюго или «Всадника без головы», и мы с козой шли на ставок (пруд по-украински). Она, как собачка, трусила на полшага сзади. Народ, видя нас, не верил своим глазам. В деревне к козам отношение простое – вот тебе ошейник, вот веревка, вот колышек, пасись себе в заданном радиусе. Вечером подоить, а в конце лета на мясо, вот и вся хитрость. А тут дрессированная коза. Тоже удумают эти городские! Но я на эти разговоры не обращала внимания. И однажды доказала-таки, что дрессированная коза может быть полезна в хозяйстве. Придя однажды на пруд и расстелив одеяло, я положила на него книжку, велела козе ее охранять, а сама пошла купаться. В этот момент на берег принесло каких-то мальчишек. Они, увидев книжку и не обнаружив ее хозяев, вознамерились книжку украсть. Но не тут-то было. Я с удовольствием наблюдала, как моя Зирка, наклонив голову и наставив на обидчиков рога, решительно пошла на них. Они испугались, закричали что-то вроде «ой, дивысь, яка коза» и дали дёру. А я улыбалась, думая, что теперь-то мне ничего не страшно, поскольку коза взяла меня под свою защиту.

В общем и целом, жизнь моя была спокойной и размеренной, пока однажды мама вдруг не объявила, что мы покидаем Ростов-на-Дону и переезжаем в другой город. Жизнь в общении моих родителей не совсем устраивала, они мечтали о более просторном жилье, и такая возможность им вскоре представилась.

Мы долго собирали вещи, потом очень долго летели на самолете со всеми возможными пересадками и в итоге оказались за несколько тысяч километров от родных мест, в городе Кызыле Тувинской АССР.

Глава 2. Первый класс. Кызыл

Кызыл – небольшой город в Сибири, расположен он на берегу бурной реки Енисей, недалеко от монгольской границы. Ничем он особо не примечателен, кроме того, что это бывшая Тувинская ССР, ныне Республика Тыва, и там протекает невероятно красивый горный Саянский хребет. Именно в нем находится центр Азии. За год до моего рождения там построили памятник, который так и называли: «Центр Азии». Перед проектировщиками стояла нелегкая задача расположить континенты на глобусе таким образом, чтобы центр Азии приходился на центр композиции, но при этом сделать так, чтобы капиталистические страны и континенты были не видны. Их закрыли бетонной стелой. В 70-е годы в этом городе решили построить большой телецентр, что-то вроде Останкино, со своей телебашней, студиями, оснащенными по последнему слову техники. Туда вложили много денег, которых хватило и на то, чтобы организовать при телецентре большой симфонический оркестр. И папу пригласили туда работать. Платили ему там больше, чем в Ростове, предоставили вначале комнату в общежитии, а позже небольшую двухкомнатную квартиру, которая показалась нам настоящими хоромами. Мама тоже довольно быстро нашла работу – медики нужны были везде. И мы остались в Кызыле на три года.

Это был, конечно, совсем не Ростов-на-Дону. Даже близко его не напоминал. Зимой город промерзал насквозь, морозы доходили до минус 45 градусов, всюду, куда хватало глаз, громоздились огромные сугробы чистейшего искрящегося на солнце снега. Едва снег покрывал землю, весь двор высыпал на улицу, чистить ковры. Делалось это так. Ковер расстилался на снегу, сверху тоже присыпался снегом. Потом обычным веником посеребривший от пыли снег сметали с ковра в разные стороны. Вешали его на турник и потом выколачивали специальной пластиковой «выбивалкой», похожей на большую мухобойку.

Дети тоже ждали снега. Но для того, чтобы выйти в такую погоду на улицу и не отморозить себе все на свете, требовалось умение. Детей одевали соответствующим образом. Помните, как изображали гуляющих малышей на картинках в старых книжках Агнии Барто или Сергея Михалкова? Такие колобки на ножках, плотно упакованные в несколько слоев одежды, с лопатками в руке копаются в сугробах? Так вот, кызыльские дети, и мы с сестрой в том числе, были одеты именно так. Платок на голову, на него шапка из кроличьего меха, полушубок, подпоясанный ремнем, чаще всего солдатским, с огромной пряжкой. Теплые штаны наподобие спортивных под названием рейтузы, под ними колготки. Шерстяные носки, на которые натягивались валенки. Полушубок из какого-то неведомого искусственного овчинного «чебурашки» (у меня, как сейчас помню, коричневый, а у сестры модный, леопардовой расцветки). Венчалось все это великолепие огромным мохеровым шарфом, колючим до слёз, который родители норовили повязать задом наперед, узлом на спине, чтобы поплотнее замотать рот и нос. Удивительно, как этот человек-комочок вообще способен был передвигаться без посторонней помощи, но он тем не менее даже бегал, и довольно шустро.

Нам, привыкшим к теплым ростовским зимам, поначалу пришлось непросто. Пришлось на собственной шкуре убедиться, что с такими морозами не шутят.

В нашем дворе каждую зиму заливали горку. Родители под чутким руководством дворника сооружали большую снежную кучу, вырубали с одной стороны этой кучи ступени, другую сторону заливали водой, и все дети, жившие во дворе, с невероятным восторгом всю зиму с этой горки катались. И вот как-то гуляя я однажды, совершенно потеряв счет времени, катаюсь с горки и вдруг обнаруживаю, что мне трудно дышать. Ноздри при каждом вдохе смерзаются. Я не придавала этому особого значения, подумаешь, ноздри, можно же ртом дышать, к тому же все кругом тоже катаются и домой не спешат. Продолжаю с упоением гулять. Через некоторое время замечаю, что моя кроличья шапка покрылась инеем. А руки в кожаных варежках, подби-

тых изнутри кроличьим мехом, совершенно ничего не чувствуют. Да и ноги, если честно, тоже. Случившийся в этот момент рядом со мной местный ребенок, более опытный в делах обморожения, схватил меня за руку и сказал: «Бери варежку и растирай себе нос, ты его отморозила, он белый совсем!» Правда, этот опытный ребенок не учел, что у него-то варежки вязаные и ими отлично можно растереть отморозивший нос. А вот моими кожаными это делать не надо, можно травму себе нанести. Но я потерла, конечно. Завопила от боли. Товарищи мне помогли, показали, как надо растирать нос шерстью, и сначала было больно, потом тепло, потом нос стал дышать. «Иди-ка ты домой», – посоветовали мне. И я пошла. Там меня усадили на стульчик, принесли тазик и опустили ноги в прохладную воду. Мне она показалась горячей. И вот та прохладная вода спасла мои руки и ноги, потому что разница температур была внушительной: минус сорок на улице, плюс 25 дома (в Сибири хорошо топили). Засунь я пальцы в кипятток в надежде отогреться быстрее – могла бы лишиться рук.

В Кызыле мы постепенно стали обрывать немудрым бытом. У нас появилась стиральная машинка «Волга», она была круглая, страшно гудела и иногда в процессе стирки перемещалась по квартире в произвольных направлениях. Но как бы то ни было – это была настоящая стиральная машинка, можно было больше не стирать в тазике и не замачивать вещи в ванной. А еще была газовая нагревательная колонка, которой я немножечко побаивалась. Внутри колонки гудело фиолетовое пламя, и мне казалось, что есть в этом что-то фантастическое и недоброе. Поэтому я к колонке старалась не подходить. А вот в электрической розетке я ничего недоброго не видела. И однажды решила провести эксперимент. Мой взгляд упал на шпильку, которой мама закалывала волосы, и я подумала, что шпилька и розетка – это идеальный тандем. Они должны быть вместе. Свою идею я тут же и реализовала. Разряд был небольшой, я быстро отскочила, но мама заметила мое движение возле розетки, подошла посмотреть, что там происходит, и страшно закричала. Честно говоря, я ее крика испугалась больше, чем удара током, потому что не совсем поняла, что не так. Даже обидеться решила. Зачем же шум поднимать на ровном месте из-за пустяка? Мама убежала, а потом вернулась с карандашом. Она просунула карандаш в шпильку и начала вытягивать ее из розетки. И вот только тут я поняла, из-за чего, собственно, был весь сыр-бор – заискрило так, что карандаш чуть не вспыхнул. Это было убедительно.

А еще у нас был телевизор – огромная по тем временам редкость, черно-белый, на таких тонких хлипких ножках. Вокруг телевизора, как тогда было принято, собиралась вся семья. Но просто так смотреть его нам было скучно, мы изобретали кое-что повеселее. Я, например, любила выступать в балете. Как только начиналась трансляция какого-нибудь «Лебединого озера», я принималась перед экраном повторять пируэты, которые выделяли балерины. Это, конечно, было кино. Пока я делала одно фуэте (ну мне, по крайней мере, казалось, что это оно), балерина уже оборачивалась вокруг себя 12 раз и неслась дальше, а я мысленно взывала к ней: «Подождите, не спешите, я за вами не успеваю, какие там дальше движения?» Разумеется, в тот момент я была уверена, что стану балериной. Однажды сообщила об этом папе, и он сказал: «Ни в коем случае! Это очень тяжелая профессия!» Я смотрела в экран и думала: «Да что ж там тяжелого? Вон как у них все прекрасно и волшебное: пуанты, пачки, фуэте. Что папа может вообще знать о жизни большого балета, он же не балерина?!» И все время требовала: «Отведите меня на “барелину”». Меня никто не послушал. Может, и слава богу.

А сестра, наоборот, любила петь. Однажды мама включила телевизор, и там выступали все великие певицы того времени: Людмила Зыкина, Людмила Сенчина и Галина Ненашева. И вот сестра моя стала подпевать телевизору. Мама слушала-слушала и с восторгом говорит: «Да ты ж наша Ненашева». А сестра, которая знать не знала, как зовут певицу, которой она подпевала в тот момент, вдруг расстроилась и закричала со слезами в голосе: «Нет, нет, я Вашева, Вашева!» Она решила, что мы ее отрекаемся. До сих пор вспоминаем ей эту «Вашеву».

Вообще, Оля нас тогда нешуточным образом удивляла своими способностями, в том числе и экстрасенсорными. Однажды сидим за столом, и она вдруг ни с того ни с сего говорит: «А нам завтра посылку принесут!» Мы удивились, потому что никакой посылки ни от кого не ждали. «Конечно, – говорим, – ага. Две посылки, или даже, может быть, три!» Каково было наше удивление, когда на следующий день почтальон принес совершенно неожиданную посылку от родственников с Украины. Там была банка варенья, вкуснейшие харьковские конфеты, письмо, шмат сала, а все остальное пространство ящика было доверху засыпано семечками. Такое вот чутье у нее было.

Чем старше мы становились, тем было очевиднее, что мы с сестрой абсолютно разные. Я была вся такая романтическая, впечатлительная, а она переносила все стрессы на удивление легко. И она была гораздо смысленнее меня. Помню историю, как мы делили новогодние подарки. К Новому году в нашей семье всегда очень тщательно готовились. Мама обязательно доставала елку, что сделать тогда было непросто, они с бабушкой, сменяя друг друга, стояли до ночи в очереди за этим новогодним атрибутом, им писали на руках номера, сверяли их. В общем, добыть елку было делом непростым. Игрушек было много, и старых, и более современных, тех, которые родители привезли из Германии. Но помимо игрушек, мама обязательно украшала елку орешками в золотой фольге и дорогими конфетами. И после наступления Нового года нам разрешалось каждый день срезать с веток по одной конфете. Мы с упоением ждали следующего дня, чтобы пойти и добыть очередной сладкий подарок. Но даже в этих условиях конфет остро не хватало, они были дефицитом. Однажды нам с сестрой подарили по новогоднему подарку – в прозрачной упаковке разные сладости. Они были абсолютно идентичные, в каждой по мандарину, вафли и по одинаковому количеству конфет – карамельных и шоколадных. Мы это точно знали, поскольку, едва получив подарки, сразу вывалили все это богатство на стол и четко разделили поровну, а потом унесли сокровища в уголок (каждая в свой) и спрятали. Я решила, что сначала буду есть леденцы и карамельки – что попроще, в общем, а шоколадки оставлю на потом. А Оля сразу съела весь шоколад. И на следующий день подходит ко мне и говорит: «Ира, как не стыдно, у тебя вон сколько шоколадных, а у меня ни одной!» Я была в тупике. С одной стороны, понимала, что тут что-то нечисто, ведь еще накануне шоколадных конфет у нас было поровну. А с другой – я, как старшая сестра, все время слышала одну фразу: «Ты должна делиться, Оля младше, уступи ей!» К тому же на тот момент она была абсолютно права – у нее действительно не осталось шоколадных конфет. А у меня действительно были. До сих пор помню эти свои метания по поводу шоколада. Но надо было, конечно, делиться, я все-таки была хорошо воспитана.

Пришло время мне идти в первый класс. Рядом находилась старейшая школа города, под номером 1. Отправилась я туда, как полагается, вся в бантах, с большим букетом, в сопровождении мамы, папы и сестры. Начальная школа номер один города Кызыла представляла собой старое двухэтажное здание, там не было разных изысков вроде раздевалки, в общем коридоре было прохладно, и мы приходили в одежде прямо в класс, и развешивали свои шубы и пальто на крючках, ряды которых тянулись вдоль всей классной стены. Парты были точно такими, как их изображали в детских книжках – деревянные, с откидывающимися крышками, а внутрь можно было положить пенал, букварь и тетрадку. Все школьники в обязательном порядке носили форму, мальчики – брючные костюмчики, а девочки – шерстяные коричневые платица с белым воротничком и манжетами, и черные фартуки (по парадным случаям черный фартук заменялся белым). Вся страна выглядела одинаково, и портфели были практически одинаковыми у девочек и мальчиков – кожаные, коричневые. И ручки были одинаковые, и тетрадки. Но меня это единообразие никак не огорчало. Вообще, в школе мне сразу понравилось – и флаг, который подняли во дворе школы в честь начала учебы, и музыка, звучащая там, и новые люди кругом, и учительница.

В один из первых дней учебы в школе я обнаружила, что там существует библиотека. Я очень обрадовалась и впервые в жизни предприняла самостоятельные шаги: пошла в библиотеку и сама взяла там книжки – какие-то очень интересные, яркие и большие. А когда пришло время возвращать книги, на меня напала невероятная робость. Я попыталась перепоручить это дело маме или бабушке, но они были непреклонны – сама брала, сама и отдавай. Я шла с этими книжками и волновалась, как библиотекарьша их примет. Вхожу в помещение и слышу, как она громко и грозно отчитывает кого-то из школьников, мол, и книжки испачкали, и отдаете не вовремя, как так можно! И я очень испугалась. Не придумала ничего лучше, как тихонько ретироваться из этого жуткого помещения от этой страшной женщины. Положила книжки под кустик рядом со школой, как будто так и надо, и убежала. Домой вернулась с пустыми руками, и все решили, что я молодец, вернула книги на место. И только спустя какое-то время, когда библиотекарь сообщила о просроченных книжках моей учительнице, а та осторожно поинтересовалась у мамы, когда, мол, планируете возвращать недостачу, правда открылась. Пришлось пойти в магазин, купить что-то на замену и отдать в библиотеку. Таким образом конфликт был улажен, но больше я в это страшное место не ходила никогда.

Примерно в это же время начались занятия музыкой. Папа решил, что нас с сестрой непременно надо выучить играть на инструментах, и в нашем доме появились скрипки. Не могу сказать, что я мечтала заниматься игрой на скрипке, гораздо более интересно было общаться к музыке, ходя с папой на его работу. Это происходило редко, все-таки маленьким детям не место на репетициях оркестра, но иногда, когда нас уж совсем некуда было деть, папа приводил нас в зал, где проходила репетиция. Шалили мы невероятно. Пока на сцене играла музыка, мы бегали по рядам концертного зала и хлопали сиденьями складных кресел. И пока скрипки, духовые и ударные инструменты звучали достаточно громко, они нивелировали шум, который мы создавали. Но стоило оркестру замолчать, дирижер сразу обращал внимание на бедлам в зрительном зале и грозно спрашивал, чьи это дети там не знают чем заняться. Папа нас успокаивал, как мог. И однажды, обессилив в неравной борьбе с шалящими дочерьми, отвел меня в одну из радиостудий. Она была похожа на библиотеку, на полках которой было множество квадратных бумажных коробочек, которые напоминали книжки. Там же стояли огромные студийные радиомagneтофоны. Папа коротко поговорил с хозяйкой этого «царства», указав ей на меня. Тетенька улыбнулась, кивнула, достала с полки коробочку, вынула из нее круглую бобину с пленкой, на которой были записаны сказки. Я как села на стул рядом с этим магнитофоном, как услышала первое «Здравствуй, дружок, хочешь, я расскажу тебе сказку?», так и застыла. И первый раз в жизни папа нашел меня ровно там, где посадил несколько часов назад. Мне открылся совершенно неведомый ранее волшебный мир. Голос рассказывал что-то, а я видела это, как наяву. Голос менялся, говорил за разных персонажей, и все они вставали перед моим внутренним взором как живые. Тогда я еще не знала, что обычная магнитофонная пленка определит всю мою дальнейшую жизнь.

Глава 3. Развод родителей

О том, что у мамы с папой в отношениях наметились большие проблемы, мы с сестрой узнали далеко не сразу. И уж тем более не догадывались, что эти проблемы связаны с алкоголем. Несколько раз папа крепко выпивал, но особых последствий мы не замечали, на спокойном течении нашей жизни это не отражалось. Хотя, как я сейчас понимаю, папино увлечение спиртным началось, может быть, еще до нашего рождения. И это было. Он музыкант, богема, да еще и творческое общежитие, в котором они с мамой поселились, шансов на трезвую жизнь практически не оставляло. Там было полно таких же, как он, тонко чувствующих творческих натур, – оглянуться не успеешь, как кто-то уже бежит за очередной бутылкой.

Однажды в Ростове его посадили на 15 суток. По истечении этого времени в нашу комнату вошел бритый наголо мужчина с каким-то чужим, колючим взглядом. Я прижалась к маме, а она улыбнулась и сказала: «Это же папа!» И объяснила ему: «Володя, Иришка просто не узнала тебя без волос!» Еще бы, у папы всегда были роскошные густые волосы, а тут его обрили наголо.

Постепенно спиртное становилось все большей проблемой. Помню, как я лежала в своей кровати и, уже проваливаясь в сон, слышала разговор мамы и папы на повышенных тонах. А среди ночи мама нас разбудила, и мы зачем-то вдруг пошли к соседке. Тогда для меня все это было веселым приключением, мы куда-то шли, оказались в незнакомой квартире, нас уложили на чужую кровать. И я, засыпая, слышала, как мама с соседкой обсуждают, что мы здесь из-за папы, который слишком громко разговаривал. Несколько раз после этого мама принималась ругаться на папу, который вознамеривался со мной поиграть. Дело в том, что приступ чадолубия находил на него строго по ночам, когда я уже спала. И я, бесцеремонно разбуженная, чувствовала, как от него остро пахнет водкой. Мама пыталась отнять меня у папы, он сопротивлялся, и мне все это очень не нравилось. Уже будучи взрослой, я однажды уловила этот водочный запах, исходивший от кого-то из знакомых, и внезапно ощутила приступ паники. Видимо, еще с детских лет мое сознание зафиксировало прямую связь между двумя понятиями: «водка» и «опасность».

Постепенно стало понятно, что папа не очень хорошо справляется со своим алкоголизмом. В проявлении его бурных отцовских чувств ощущалось все больше агрессии. Нам пришлось еще раз уйти из дома ночью, это было уже в Кызыле и не казалось таким романтическим приключением, как в первый раз. Была зима, ночь, холод, кромешная темень, мы с мамой и сестрой бегом выскочили из квартиры и, уже оказавшись на улице, стали думать, что же нам теперь делать и куда идти. Отправились в школу, разбудили сторожа, он, выслушав мамин рассказ, пустил нас в класс. Мама сдвинула парты, постелила на них овчинный тулуп, взятый у дворника, накрыла нас своим пальто и кофтой, и мы улеглись спать прямо на столах. Это было странно. И непонятно. «Почему надо куда-то идти ночью в мороз? Почему нельзя остаться в своих кроватях?» – думала я, засыпая. И только наутро, когда мы вернулись в свою квартиру, поняла, зачем мама нас увела. Я увидела, что наш красивый ковер, на который родители долго копили и который был добыт с боями, ковер, который несколько лет уже висел на стене, украшая и согревая нашу квартиру – так вот, этот самый ковер изрублен на куски. Папа, видимо, руководствуясь принципом: «Будем разводиться – поделим строго пополам все, вплоть до рояля», пытался разрубить его на две части, но что-то у него не заладилось, и он просто изрешетил ни в чем не повинный ковер топором в лапшу. Досталось и настенным часам, которые висели рядом. И вот тогда я поняла, что действительно происходит что-то не совсем правильное. Что-то опасное. Раз уже в ход пошли топоры – жди беды. Мама, видимо, поняла это еще раньше и, не дожидаясь более серьезных последствий, приняла решение разводиться

с папой. Потом, уже слушая рассказы бабушки о том, как отец себя вел, я сделала вывод, что мама приняла правильное решение. Она не стала дожидаться, когда он начнет деградировать, у нее не было ни здоровья, ни времени, чтобы возиться с ним, надо было ставить на ноги двух дочерей. А когда я спустя много лет увидела отца вновь, сама лично убедилась, насколько мама тогда была права.

Глава 4. Мама заболела

Папа уехал в Артемовск, мы с мамой и сестрой остались в Кызыле одни. Вскоре у нее начались проблемы со здоровьем, она жаловалась на головную боль, ходила на какие-то обследования. Но однажды ей стало совсем плохо, и она оказалась в больнице. Мы с сестрой остались в квартире одни. Помню, как я удивилась, когда вместо мамы в нашу квартиру вошли какие-то люди, попросили нас одеться, посадили в большую грузовую машину, крытую брезентом, и повезли куда-то. Так мы оказались в детском приемнике-распределителе (это было что-то вроде временного детского дома). Я помню столовую, спальню с большим количеством одинаковых железных кроватей. Там было просторно и чисто, но очень неуютно и хотелось домой. Вызвонила нас оттуда бабушка, которая спешно прилетела с Украины в Кызыл.

Домой мы вернулись не одни, а с большим количеством живности в волосах – подцепили вшей в детском доме. До сих пор помню запах керосина и вонючего дустового мыла, которым бабушка мыла наши головы, чтобы избавить нас с Олей от этих паразитов.

Маму из больницы отпустили, но она все время пила таблетки, и все чаще в нашей квартире звучали слова «врач» и «операция». Я понимала, что она не очень хорошо себя чувствует, но причины от меня скрывали. Да и вряд ли восьмилетний ребенок смог бы понять, что кроется за словами «опухоль головного мозга».

Начинались очень непростые для нашей семьи времена.

Однажды мама не пришла ночевать, а наутро бабушка сказала: «Собирайся, поедem в больницу». Я не очень поняла, о чем речь, но поехала. Мы пришли в больницу, и к нам вышла мама в красивом байковом халате. Они с бабушкой напряженно говорили о каких-то взрослых вещах, что-то вроде: «Сделали пункцию, опухоль вроде доброкачественная», «Хирург хороший, все будет прекрасно». Потом они заметили, что я тоже здесь нахожусь, рядом с ними, мама стала улыбаться, успокаивать меня, уверила, что скоро вернется домой, просто сейчас ей надо будет побыть в больнице. Я поняла, что происходит что-то серьезное и не очень хорошее, но маме поверила. Несколько дней спустя бабушка сказала: «Маме сделали операцию и к ней уже можно». Я была удивлена – а раньше нельзя было, что ли? И мы поехали к маме. Бабушке дали халат. Я волновалась, что мне его не дали, размышляла о том, что на таких маленьких, как я, наверное, просто не шьют халатов, и с этими думами вошла в палату. Я не сразу поняла, что человек, лежащий передо мной на больничной койке, – моя мама. Голова у этого человека была как капустный кочан: сплошные бинты и наружу торчит только нос, рот, глаза и огромные синяки под ними. Мама пыталась улыбаться, но я видела, что ей это непросто дается. Бабушка беседовала с мамой, а я встала в изножье кровати, крепко вцепившись в прутья. Я смотрела на маму и пыталась понять, что же с ней происходит. Я же тоже болела иногда, и меня лечили, все было не так страшно, значит, и маму вылечат. Но, с другой стороны, этот капустный кочан вместо головы, и эти странные мамины слова, что после операции ей хотелось пить, а ей не давали воды и только смачивали губы бинтиком влажным. Нет, пожалуй, это не похоже на ту болезнь, к которой я привыкла. И, пожалуй, все гораздо страшнее. Мама перевела взгляд на меня и попыталась еще раз улыбнуться, но у нее снова не получилось. И тут я поняла, что пришла в эту палату с важной миссией – поддержать маму, сделать так, чтобы она стала веселой, как раньше. Я сказала: «Знаешь, тебе очень идет вот эта чалма (я не знала слова “повязка”). Ты в ней похожа на космонавта». И тут мама улыбнулась уже совершенно искренне и естественно. И я поняла, что, наверное, все правильно сделала, ободрила маму и развеселила ее.

Через несколько дней мама вернулась домой, повязка на ее голове уже была не такая пугающая, просто шапочка из бинта. Сначала она много отдыхала, бабушка говорила нам, что маме необходим «постельный режим». Стало ясно, что операция была очень сложной. И что

опухоль, как выяснилось, поразила не только мозг, но и повредила правую лобную долю черепа. В результате у мамы, на лбу справа, теперь было такое место, где кости не было совсем. Только кожа. И сразу за ней мозг. Когда мама волновалась, это место дышало, как родничок у младенца, и пульсацию было видно невооруженным глазом. Мама прикрывала его специальной защитной насадкой, сначала под париком, потом, когда волосы отросли – челкой. Но я, один раз увидев, с тех пор все время думала о том, какой опасности она подвергается. Но постепенно жизнь вновь наладилась, мама, как и раньше, стала ходить на работу, а, приходя вечерами домой, опять приносила шприцы, кипятила их на плите и отправлялась зарабатывать деньги частными визитами, делая людям уколы. И опять на дверце шкафа висел крахмальный халат, пахнувший приятно и привычно. И тревога немного отступила.

Еще живя в Ростове и не помышляя о поездке в Кызыл, мама вступила в так называемый «Строительный кооператив». Смысл этого мероприятия состоял в том, что люди подписывали договоры на приобретение квартиры, которая находилась еще только в проекте на бумаге, и потом долгое время платили взносы (довольно ощутимые по тем временам), ожидая, когда дом построится. Иногда проходили годы, прежде чем люди получали возможность въехать в свою собственную квартиру.

Бабушка очень помогла – продала часть своего участка вместе с хатой, в которой жила с детства, себе оставила лишь небольшой клочок земли и деревянный скромный флигель, на нем стоявший. В этом флигеле мы потом с сестрой проводили лето. Но бабушкин вклад покрыл лишь часть расходов на квартиру. Взносы надо было платить регулярно, и мама постоянно искала всяческую «подработку».

Мы вернулись в Ростов. В Кызыле оставаться не было никакого смысла, к тому же в родном городе нас ждала уже построенная кооперативная квартира. Когда мы о ней думали, пытаясь представить, какая она, сестра еще раз удивила всю семью экстрасенсорными способностями. Она взяла тетрадку и карандаш и нарисовала в подробностях, как будет выглядеть наше жилище: вот тут, говорит, будет вход, здесь коридор, здесь кухня. А вот здесь дверь и два картонных встроенных шкафа. Разумеется, никаких планов будущей квартиры нигде не существовало, даже родители понятия не имели, какой она будет, а уж сестра об этом тем более не могла знать. Но когда мы на следующий день вошли в нашу новую квартиру, мы чуть не упали в обморок. Все было точно так, как нарисовала Оля. Вплоть до расположения шкафов. Больше она нас так не удивляла ни разу, но я продолжала ждать от нее чудес и смотрела с интересом и уважением.

Контейнер с нашими вещами и мебелью еще не успел доехать в Ростов из Сибири, и три дня мы спали на полу. Матрасов не было, и мы отправились на ближайший пустырь, чтобы нарвать там полыни, шалфея и разной другой ароматной травы, разложили все это на полу и сверху постелили простыни.

Отсутствие в нашей жизни папы не особо омрачало мое существование. Честно говоря, я не помню каких-то особых страданий на этот счет. Может быть, мама с нами как-то правильно поговорила о том, что между ними происходит, нашла какие-то нужные слова. А может быть, дело было в том, что папа, и будучи в семье, нечасто появлялся дома, был то на гастролях, то на репетициях. Зато я узнала новое слово «алименты», оно стало часто звучать в нашем доме. В почтовом ящике иногда появлялись квитанции, с которыми надо было ходить на почту и получать деньги. Маме причиталось 40 рублей. 20 за меня и 20 за Олю. Бабушка, правда, жаловалась, что приходят эти квитанции нерегулярно, и чем дальше, тем реже. Мама объясняла, что папа нашел себе какую-то «халтуру» (я понятия не имела, что это такое), и, мол, эта «халтура» позволяет ему безбедно жить самому, но не перечислять деньги нам. Постепенно пить он стал

все больше, работать все реже, в оркестры его уже не брали, и со временем музыка в его жизни вовсе сошла на нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.